

Тартуский университет
Факультет гуманитарных наук и искусств
Институт иностранных языков и культур
Отделение славистики

Е. А. БАРАТЫНСКИЙ В ПОЗДНЕЙ ЛИРИКЕ И ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫХ СОЧИНЕНИЯХ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Бакалаврская работа
студента отделения славистики
Дениса Божедарова

Научный руководитель –
Т. Н. Степанищева, Ph.D.

Тарту 2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава I. Биографические отношения Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского.....	4
Знакомство	4
Активное общение.....	7
Отголоски дружбы.....	13
Возобновление дружбы.....	15
Последние годы Баратынского.....	16
Глава II. Литературная репутация Е. А. Баратынского	18
Литературный путь.....	18
Баратынский как элегик и как поэт мысли	27
Глава III. Е. А. Баратынский в позднем творчестве П. А. Вяземского	29
Заключение.....	38
Список использованной литературы	39
Kokkuvõte	42
Autorsuse kinnitus	43
Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks	44

Введение

Историки литературы традиционно причисляют Евгения Баратынского и Петра Вяземского к «поэтам пушкинской поры» [Семенко], «поэтам пушкинского круга» [Лебедев; Янушкевич]. Именно это является одной из главных причин того, что их взаимные литературные отношения не так подробно изучались. Первую половину XIX века в российском литературоведении долгое время было принято рассматривать именно через жизнь и творчество Пушкина, именно он являлся своеобразным «ключом к эпохе», что, конечно, объяснялось значительным вкладом Пушкина в русскую словесность, литературу, культуру в целом. Е. А. Баратынский и П. А. Вяземский оставались в тени Пушкина, а их творчество и личности изучались спорадически и скорее в привязке к его жизни и творчеству. И если Е. А. Баратынскому в последние тридцать лет повезло с исследованиями (прежде всего, нужно назвать А. М. Пескова, который много сделал для того, чтобы вернуть исследовательский интерес к поэту), то с П. А. Вяземским ситуация сложнее. Так, например, до сих пор нет академического полного собрания сочинений писателя. Между тем Вяземский прожил долгую и творчески насыщенную жизнь: оставил много воспоминаний об эпохе и до самой смерти не переставал писать стихи. Позднее творчество Вяземского представляет широкое поле для исследований, в том числе для изучения отношений с Е. А. Баратынским.

Двух писателей связывала литературная дружба и, как отмечал А. М. Песков, именно благодаря мемуарному очерку Вяземского нам известно о характере Баратынского, его уме, манерах [Песков: 29–30]. Кроме того, Вяземский обращался к Баратынскому в своем позднем творчестве. Настоящее исследование, оставив за пределами рассмотрения роль Вяземского-мемуариста в создании мифа о “золотом веке” русской литературы, будет посвящено образу Е. А. Баратынского в позднем творчестве писателя. Для этого будут подробно рассмотрены: 1) история отношений Баратынского и Вяземского (в первой главе работы), 2) литературная репутация Баратынского (во второй главе), 3) образ Баратынского в позднем творчестве Вяземского (в последней главе). История отношений двух писателей, как и изменения литературной репутации Баратынского – тот необходимый контекст, без которого невозможна интерпретация упоминаний поэта в позднем творчестве Вяземского.

Глава I. Биографические отношения Е. А. Баратынского и П. А. Вяземского

Прежде чем рассматривать образ Е. А. Баратынского в позднем творчестве П. А. Вяземского, необходимо обратиться к началу их отношений, человеческих и литературных, проследить, как они начинались, как развивались. Сразу стоит оговориться, что восстановление полной картины не представляется возможным по понятным причинам: мы можем опираться только на дошедшие до нас письменные свидетельства, а до нас, как мы увидим в дальнейшем, дошло далеко не все. Настоящая попытка реконструкции отношений Вяземского и Баратынского будет опираться прежде всего на их личную переписку, а также на переписку с другими корреспондентами, где Вяземский и Баратынский упоминают друг друга. Делать точные и однозначные выводы на основании этих материалов трудно, можно только строить предположения с той или иной степенью вероятности.

Знакомство

К личному знакомству Баратынского и Вяземского, судя по всему, подтолкнули, с одной стороны, литература, а с другой – общие знакомые. Опираясь на доступный эпистолярный материал, можно увидеть, что Баратынский и Вяземский читали произведения друг друга до знакомства и делились своими мнениями с другими. Так, в письме Пушкина к Вяземскому от 1 сентября 1822 г. мы находим следующее суждение: «Мне жаль, что ты не вполне ценишь прелестный талант Баратынского. Он более чем подражатель подражателей, он полон истинной элегической поэзии» [Пушкин: XIII, 44]. Письмо Вяземского, на которое Пушкин отвечает, не сохранилось, поэтому содержание отзыва Вяземского о стихотворениях Баратынского точно не известно. Но из слов Пушкина можно предположить, что Вяземский выступил с критикой в адрес Баратынского. С этой критикой Пушкин не согласился и отверг ее. Одно здесь остается до конца не определенным: принадлежит ли оборот «подражатель подражателей» Пушкину или здесь он цитирует/перефразирует слова Вяземского.

В письме от конца марта – начала апреля 1825 г. Баратынский, отвечая на недошедшее до нас письмо И. И. Козлова, рассуждал о «журналистах» и оставил следующий отзыв о Вяземском:

Всего досаднее Вяземский. Он образовался в беспокойные времена междуусобий Карамзина с Шишковым, и военный дух не покидает его и ныне:

Войной журнальною бесчестит без причины
Он дарования свои:
Не так ли славный вождь и друг Екатерины
Орлов еще любил кулачные бои?

Это экспромт; и я думаю, по стихам оно заметно [Летопись Б.: 155].

Трудно назвать этот отзыв положительным. Показательно здесь прежде всего сравнение с графом Алексеем Орловым и кулачными боями: Баратынский через это сопоставление утверждает, что «журнальная война» является таким же недостойным для поэта и литератора занятием, как и «кулачные бои» для дворянина. «Журнальная война» бесчестит «дарования» писателя. Вяземский позднее возвращался к этому эпизоду и в мемуарах, и в стихотворениях (об этом будет еще сказано в 3-й главе). В «Автобиографическом введении» к первому тому собрания своих сочинений он вспоминал об этом времени так:

В старину любил я гарцевать в чистом поле, пред неприятелями своими. Ныне и эта охота отпала; да и прежде не самолюбие действовало во мне, а какая-то задорливость. Баратынский говорил про меня, что в моих полемических стычках напоминаю я ему старых наших бар, например, гр. Алексея Григ. Орлова, который любил выходить с чернью на кулачный бой» [Вяземский 1878: I, XLVI].

Таким образом, Вяземский признавал справедливость эпиграмматического отзыва Баратынского, но в свое оправдание говорил, что «журнальной войной» он занимался не из самолюбия, а из «задорливости». Однако все это – и критика стихотворений Баратынского Вяземским, и эта критика журнальной деятельности князя от Баратынского – предшествует личному знакомству. Как мы увидим, тональность высказываний немного изменится после их личного знакомства.

Оно состоялось предположительно в конце июня – начале июля 1825 г., когда Вяземский находился в Петербурге [Летопись Б.: 160]. По крайней мере, в письме от 16 октября 1825 г. Вяземский писал Пушкину следующее:

Здесь Боратынской на четыре месяца. Я очень ему рад. Ты, кажется, меня считаешь каким-то противоположником ему, и не знаю с чего. Вполне уважаю его дарование. Только не соглашался с твоим смирением, когда ты мне говорил, что после него уже не будешь писать элегий [Пушкин: XIII, 239].

Уже в ноябре того же года Баратынский получил через Александра Муханова записку от Вяземского с приглашением приехать в Остафьево, имение князя. 21 ноября Баратынский решил воспользоваться приглашением и вместе с Мухановым отправился в Остафьево, однако из-за плохой погоды они были вынуждены возвратиться, так и не доехав до пункта назначения. Об этом мы узнаем из письма Муханова к брату от 25 ноября: «<...> в субботу 21-го утром приехал ко мне Баратынской, которого <...> уговорил я хорошенько окутавшись ехать со мною в Астафьево <...>. С десятой версты от метели и худой дороги полузамерзшие возвратились домой, где наверху у нас обедали» [Дневники Муханова: 177–178].

Несмотря на эту неудавшуюся поездку, обоюдные попытки сближения продолжились. Так, 7 декабря Вяземский послал в Москву к Баратынскому записку, в которой называл его «Парни», выразил надежду на его скорый приезд в Остафьево и просил переслать в Петербург письмо к Дельвигу. О самой записке и ее содержании мы узнаем из ответа Баратынского:

Извините, ежели я так поздно отвечаю на лестное письмо ваше. Вместе с Мухановым я думал сей же час воспользоваться дружеским приглашением вашим, но не удалось. Сближение с вами есть живейшее мое желание, и мне очень хочется напроситься на доброе ваше расположение. При первой возможности буду к вам в Остафьево. Между тем примите уверение в искренней преданности одного из усердных почитателей ваших [Летопись Б.: 168].

Это письмо очень показательно, так как здесь Баратынский прямо говорит о «живейшем желании» сближения и называет себя «усердным почитателем» Вяземского. Мы видим, что тональность высказываний сильно поменялась за полгода с момента письма Баратынского Козлову: «Всего досаднее Вяземский» превратилось в «уверение в искренней преданности одного из усердных почитателей ваших». Мы видим, что и Баратынский, и Вяземский стремились сблизиться.

Примерно через месяц, в январе 1826 г., им удалось наконец встретиться и узнать друг друга лучше. Об этом свидетельствует письмо Баратынского Пушкину в январе 1826 г. Примечательно в нем появление литературы как объединяющего фактора: «<...> Я часто вижу Вяземского. На днях мы вместе читали твои мелкие стихотворения, думали пробежать несколько пьес и прочли всю книгу» [Летопись Б.: 173].

Начало отношений часто предопределяет их дальнейшее развитие. В случае с Баратынским и Вяземским конец 1825 и начало 1826 гг. можно считать отправной точкой периода самого активного и теплого общения двух поэтов.

Активное общение

Далее отношения будут развиваться довольно стремительно. В письме Пушкину от 10 мая 1826 г. Вяземский, рассказывая о предстоящей женитьбе Баратынского на Настасье Львовне Энгельгардт, признается в возникшей дружеской привязанности к нему, а также оставляет краткое, но емкое замечание о его характере: «Я сердечно полюбил и уважил Баратынского. Чем более растираешь его, тем он лучше и сильнее пахнет. В нем, кроме дарования, и основа плотная и прекрасная» [Пушкин: XIII, 276]. Очевидно, что Вяземский должен был сблизиться с Баратынским и хорошо его узнать, чтобы оставить такую характеристику. Это было не так легко, учитывая довольно закрытый и местами трудный характер Баратынского. Такое сближение стало возможным, судя по всему, не только благодаря обоюдному желанию, но еще и возможности личного общения между концом 1826 и началом 1828 гг. В этот период поэты не обменивались письмами (что понятно, так как они могли обсуждать все лично), а также почти нет каких-либо других письменных свидетельств, которые бы пролили свет на их отношения в этот период. Примечательно здесь будет, пожалуй, только совместное письмо Вяземского и Баратынского Жуковскому и А. И. Тургеневу от 25 февраля – 12 марта 1827 г. В нем Вяземский делится своими мыслями и впечатлениями от знакомства с Настасьей Львовной Энгельгардт, а также еще раз отмечает достоинства Баратынского:

Баратынский женился на дочери Энгельгардта-московского. Брак не блестящий, а благоразумный. Она мало имеет в себе элегического, но бабенка добрая и умная. Я очень полюбил Баратынского: он ума необыкновенного, ясного, тонкого [Летопись Б.: 191].

Переписка возобновилась только в конце марта – начале апреля 1828 г., когда Баратынский находился в Москве, а Вяземский в Петербурге. Петр Андреевич в конце марта отправил Баратынскому два письма (первое из них не сохранилось), в которых просил его быть посредником в своих делах с Н. А. Полевым, чтобы получить расчет за годовое сотрудничество с «Московским Телеграфом» [Гиллельсон: 165]. В письме от начала апреля Баратынский отчитался об успешно завершившихся переговорах в пользу Вяземского: «Исполнил я ваше препоручение, любезный князь: <...> Вы можете быть уверены, что я употребил себя усердно в этом деле: мне в то же время хотелось и

оправдать вашу доверенность и найти Полевого честным человеком» [Летопись Б.: 208]. В этом же письме Баратынский признается, что он не светский человек и что он скучает без Вяземского в Москве, она для него «опустела»:

Не могу вам сообщить новостей светских: вы знаете, что я не живу в свете. Москва для меня множество домов и только. Любуюсь на них снаружи и, может быть, она и лучше снаружи, чем внутри. Отсутствие ваше для меня истинная потеря и, проходя мимо вашего дома, жалею, что могу любоваться одною его архитектурою и не могу зайти к милому хозяину [Там же].

После этого в их отношениях наступила пауза, которая продлилась несколько месяцев. Но уже осенью того же года общение возобновилось, и они часто виделись в Москве. В письме Пушкину в Петербург между 18 и 25 сентября 1828 г. Вяземский пишет: «Мы на днях занимались текущею словесностью у Полевого с Дельвигом и Баратынским. Тут был цензор Глинка <...> Он нас смешил чрезвычайно, и я жалел, что тебя нет с нами» [Пушкин: XIV, 28]. А в октябре в письме к А. И. Тургеневу в Париж от 15 числа Вяземский оставил еще одну положительную характеристику Баратынского, хваля его прежде всего за пронизательный ум:

Чем более вижусь с Баратынским, тем более люблю его за чувства, за ум, удивительно тонкий и глубокий, раз-дробительный. Возьми его врасплох, как хочешь: везде и всегда найдешь его с новою своею мыслью, с собственным воззрением на предмет [ОА: III, 179].

Активное личное общение продлилось до января 1829 года, когда Вяземский уехал в Мещерское Пензенской губернии. В письме от 1 января 1829 г. он сообщил А. И. Тургеневу о совместных с Баратынским литературных планах, а также в очередной раз восхитился его умом: «Чем более знаю Баратынского, тем более ценю его ум и сердце. <...> Он, без сомнения, одна из самых открытых голов у нас: солнце так и ударяет в нее прямо» [АБТ: 77]. С отъездом Вяземского из Москвы начнется очередная пауза в общении с Баратынским – причем не только в плане личных встреч, переписываться они также несколько месяцев не будут.

Молчание нарушил Вяземский своим письмом весной 1829 года. Это письмо не сохранилось, но о его содержании можно судить по ответному письму в начале апреля. Его Баратынский начал с попытки объяснить свое молчание, в очередной раз подчеркнув, что он не светский человек, а потому не знал, о чем писать: «Вы предупредили меня, любезный князь, но только делом, а не намерением. Давно собирался я к вам писать, хотя, имея мало сношений как с грамотным, так и с

безграмотным светом, не мог сообщить вам ничего занимательного <...>» [Летопись Б.: 222]. Далее он пишет о том, насколько важен для него Вяземский. Во-первых, эти отношения ценны для него: «<...> но мне хотелось сказать вам, сколько я дорожу вашим добрым расположением и, ежели позволите, — дружбою» [Там же]. Во-вторых, Вяземский был для него своего рода проводником в свет:

Вы не можете себе представить, как Москва для меня без вас опустела! При вас я видался со многими людьми, с которыми теперь не вижусь, потому что уже не надеюсь встретить вас между ними. Вы были лентою, которая связывала пук, а без вас он распался [Там же].

В-третьих, Баратынский признается, что даже в его отношениях с Пушкиным не хватает Вяземского, который был своего рода скрепляющим звеном между ними:

Пушкин здесь, и я ему отдал ваш поклон. <...> Я с ним часто вижусь, но вы нам очень недостаете. Как-то из нас двух ничего не выходит, как из двух математических линий. Необходима третья, чтобы составить какую-нибудь фигуру, и вы были ею [Там же].

В этом же письме Баратынский отвечает на советы Вяземского начать писать прозу, соглашается с ними, но с оговоркой: «<...> ежели станет у меня терпения, а в особенности дарования» [Там же]. Не отказывается он и от совместных литературных планов. Как увидим далее, именно тема литературы в отсутствие личных встреч была главной не только в их переписке, но и в их отношениях: она поддерживала их общение, особенно тогда, когда других тем для разговоров не было.

Именно это можно увидеть в майском письме Вяземскому, которое полностью посвящено литературе. Это письмо Баратынский начал с благодарности за подарок – экземпляр «Станции», стихотворение Вяземского (подарок, заметим, тоже литературный). Далее он напомнил адресату о его намерении заняться изданием своих произведений: «Вы обещали заняться полным собранием ваших сочинений; не отлагайте: оно принесет вам выгоду во всех возможных смыслах, а нам будет что почитать и о чем поговорить» [Письма к Вяземскому: 45]. Примечательна здесь фраза «а нам будет что почитать и о чем поговорить». Не совсем понятно, что именно имел в виду Баратынский, говоря «нам», скорее всего, он подразумевал под «мы» вообще «публику». Но можно предположить, что Баратынский подразумевал здесь себя и Вяземского. Если это так, то становится очевидным, что он понимал всю важность литературы в их отношениях; именно литература была объединяющим фактором.

В следующих двух письмах Баратынского Вяземскому от начала мая и от конца мая – первой половины июня 1829 г. литература также занимает ключевое место, особенно во втором письме, где речь идет о поправках Пушкина в послании Вяземского «К ним» и о переводе Вяземским романа Бенжамена Констана «Адольф». В этом письме Баратынский раскрывается как глубоко мыслящий человек, как философ. В частности, он высказывает мысль о том, что недостатки в поэзии, как и в природе, только подчеркивают достоинства, а значит – необходимы:

Я думаю, что в произведениях поэзии, как в творениях природы, близ красоты должен быть непременно недостаток, ее оживляющий. Не знаю, ясно ли я выражаюсь: мысль моя в том, что некоторые недостатки во всяком авторе необходимы для существования его в известном роде, что ежели их уничтожишь, уничтожишь и жизненную меру его произведений и неумолимый вкус будет для творений искусства тем же, что смерть для творений природы [Летопись Б.: 226].

Рассуждая о переводе «Адольфа», Баратынский не только дает Вяземскому советы, но еще и высказывает свои взгляды на развитие русского языка, схожие с позицией Пушкина и Карамзина:

Мне кажется, что не должно пугаться неупотребительности выражений и стараться только, чтобы коренной их смысл совершенно соответствовал мысли, которую хочешь выразить. Со временем они будут приняты и войдут в ежедневный язык. Вспомним, что те из нас, которые говорят по-русски, говорят языком Жуковского, Пушкина и вашим, языком поэтов, из чего следует, что не публика нас учит, а нам учить публику [Там же].

Дальше последовала еще одна, но на этот раз небольшая, пауза в переписке. Она продлилась до второй половины июня – начала июля, когда Баратынский ответил на недошедшее до нас письмо Вяземского. Он признается, что долгое молчание было вызвано семейной трагедией, смертью дочери:

Не заключите из моего долгого молчания, что вы сколько-нибудь вышли из моей памяти. Причина его была потеря моей младшей дочери, которая на некоторое время привела меня в совершенное уныние [Летопись Б.: 227].

Далее Баратынский пускается в философские рассуждения о детской смертности и о смерти вообще. Нет сомнений в том, что это дружеское откровение. Баратынский знал, что найдет утешение и поддержку в разговоре с Вяземским, которому тоже приходилось терять детей. Также в этом письме Баратынский выразил надежду на возможную личную встречу зимой.

В следующие полгода, до декабря 1829 г., корреспонденты не переписывались. Их общение возобновилось приблизительно в середине декабря, когда Вяземский написал Баратынскому (письмо не сохранилось). В своем ответе Баратынский попытается оправдаться за продолжительное молчание:

По приезде моем в деревню ежедневно собирался я вам напомнить о себе, любезный князь, но как-то все не удавалось, и я оставался при благом намерении. Могу вас, однако, уверить, что письмо ваше не предупредило бы мое, ежели бы пришло одною почтою позже [Письма к Вяземскому: 47].

Далее он благодарит Вяземского за присланную рукопись перевода «Адольфа», а также выражает желание продолжить дружбу:

Свидетельствую усердное мое почтение княгине и вас прошу о продолжении вашей дружбы, мне драгоценной во всех отношениях. Я истинно к вам привязан, мне кажется, что вы угадываете это, и ничто меня столько не радует» [Там же: 47–48].

Баратынский, судя по всему, понимал, что прошедший 1829 год был для их дружбы непростым: они целый год не виделись, переписка была во многом отрывочной, а общих тем для разговоров было не так много. Но несмотря на все это, мы видим, что Вяземский не забывал о Баратынском, раз за разом прерывал паузы в их общении своими письмами, а Баратынский неизменно уверял его в своей привязанности. Оба стремились к сохранению дружеских отношений.

В середине января 1830 г. Баратынский отправил Вяземскому рукопись перевода «Адольфа» со своими замечаниями. В сопроводительном письме он извиняется за задержку, оправдывая ее семейными хлопотами (помолвка сестры), дает советы по поводу перевода, рассуждает об актуальной литературной ситуации. В конце письма он спрашивает, будет ли этой зимой Вяземский в Москве, очевидно, надеясь, наконец, встретиться лично. Князь был в феврале некоторое время в Москве, но маловероятно, что встреча с Баратынским состоялась, так как последний до весны находился с семьей в Маре (Тамбовская губерния) [Летопись Б.: 237, 242].

14 августа Вяземский вернулся из Петербурга в Москву, Баратынский же в это время жил в Муранове (Подмосковье) [Летопись Б.: 243, 244]. Они, по-видимому, снова разминулись, когда первый прибыл осенью в Москву, а последний в это время находился в Остафьево.

Осенью 1830 г. в Москве бушевала эпидемия холеры, которая сделала невозможной любую встречу из-за карантина. Но в середине ноября Баратынский отправил в Остафьево записку, в которой пригласил Вяземского в Москву, убеждая, что опасность уже миновала:

Скоро ли, любезный князь, вы решитесь оставить Астафьево и взглянуть на воскресающую Москву? Ежели она вам еще кажется опасною, то вы не правы. Можно сказать решительно, что у нас нет уже холеры. Вновь занемогающие, во-первых, малочисленны, во-вторых, болезнь их уже не та, и они почти все выздоравливают <...> Теперь все оживились, но к моему полному оживлению не достает вашего присутствия [Баратынский 1987: 197].

23 ноября Вяземский ответил на записку Баратынского, текст ответа не сохранился, но о его содержании мы узнаем из следующего письма Баратынского от конца ноября. Вяземский, по-видимому, не разделял оптимизма своего собеседника в отношении спада эпидемии и отказался пока приезжать в Москву. Собеседник с этим согласился, объяснив свое необдуманное приглашение желанием увидеться:

Спорить с вами не могу, любезный князь, как ни желал бы поспорить. Оставаться в Астафьеве покада благоразумнее, чем ехать в Москву. Приглашение мое было немного ветрено, но его внушило сильное желание вас видеть [Баратынский 1987: 197].

Поблагодарил он также за письмо и дружеское участие: «Благодарю вас за дружественное и лестное письмо ваше, но поверьте, что вы меня еще более тронули своим участием, нежели одобрительным вашим отзывом о моем новом труде, хотя я высоко ценю ваше одобрение» [Там же]. Остальная часть письма посвящена разговору о литературе и политике (в частности, о восстании в Варшаве). В конце письма Баратынский выразил сожаление о том, что расстояние разделяет их: «Прощайте, любезный князь. Как жаль, что вы не <v> соседстве, а делать нечего» [Там же: 198].

В десятых числах декабря в своем письме Д. Н. Свербееву Баратынский написал, что они ожидают приезда Вяземского: «Спасавшиеся в подмосковных приезжают в город. Кн. Вяземский еще в Астафьеве, но мы его ждем ежедневно» [Летопись Б.: 249].

Однако судьба распорядилась так, что Баратынского и Вяземского свело вместе печальное событие – смерть Дельвига. 27 января 1831 г. Пушкин, Баратынский, Вяземский и Языков собрались в московском ресторане «Яр», чтобы помянуть друга.

17 февраля 1831 г. Баратынский и Вяземский присутствовали на «мальчишнике» Пушкина накануне свадьбы [Летопись Б.: 253]. По дневниковому свидетельству М. П. Погодина, которого не было в списке приглашенных, но который заехал поздравить Пушкина, Вяземский и Баратынский толковали на обеде о «нравственной пользе» [Дневники Погодина: 112].

Баратынский находился в Москве до мая 1831 г., после чего уехал с семьей в Мураново. Никаких писем в период с февраля по май или свидетельств о личных встречах Баратынского и Вяземского нет.

Летом 1831 г. в Москве снова вспыхнула холера, из-за чего «семейство Баратынского спешно начало готовиться к отъезду в казанское имение Энгельгардтов – Каймары» [Летопись Б.: 260]. Он состоялся примерно в середине – второй половине июня. 17 июня Вяземский в письме Пушкину признается: «<...> Я здесь никого из порядочных людей не вижу: Баратынский в деревне, не знаю, где и что Языков <...>» [Пушкин: XIV, 177]. Вяземский, очевидно, не знал об отъезде Баратынского; тот ему об этом даже не написал. Такое предположение можно сделать, опираясь на письмо Вяземского и А. И. Тургенева Пушкину от 14 и 15 июля 1831 г. В этом письме Вяземский пишет: «<...> Пожалуй, давай готовить альманах <...> собирай стихи свои и других. Напишем к Баратынскому, который удрал в Казань с Энгельгардтовским семейством <...>» [Пушкин: XIV, 191]. Слово «удрал» явно несет в себе оттенок иронии, а сама фраза звучит несколько резко.

В конце лета – начале осени Баратынский отправил Вяземскому письмо, в котором поблагодарил его за присланный экземпляр «Адольфа» (вышел в начале июня), а также оставил свой подробный отзыв о переводе (почти все письмо посвящено именно этому). Примечательно окончание письма: «Прощайте, любезный князь. Я заговорился с вами, как будто бы сидел в вашем кабинете у камина» [Летопись Б.: 267]. В очередной раз, несмотря на расстояния, литература играет ключевую роль в дружбе двух писателей.

Отголоски дружбы

Далее в отношениях Баратынского и Вяземского можно отчетливо проследить охлаждение. Возможности встречаться не будет, переписываться они будут также довольно редко. Вся их дружба будет скорее походить на тлеющий костер, оба будут это чувствовать, но продолжат попытки сохранить хоть какую-то связь.

Так, примерно в августе 1832 г. (прошел ровно год с последнего контакта) Вяземский отправил Баратынскому посылку, о чем мы узнаем из его ответного письма: «Не доезжая до тамбовской деревни, куда мне была дорога, обстоятельства заставили меня вдруг повернуть в Москву, и таким образом я разъехался с вашею посылкою <...>» [Летопись Б.: 300]. Далее Баратынский благодарит за посылку и за то, что Вяземский помнит о нем: «Я истинно был тронут этим знаком вашей памяти. Я видел в нем внимание к связи отдаленной, но в которой вы справедливо полагаете много душевного» [Там же]. Все письмо пронизано духом воспоминаний и ностальгии. О дружбе говорится скорее как о чем-то уже минувшем: «Прощайте, любезный князь, еще раз благодарю вас за вашу память» [Там же: 301]. При этом просматривается желание «поддерживать» это воспоминание.

Следующий обмен письмами произошел примерно зимой. Письмо Вяземского не сохранилось. В ответном письме Баратынский просит Вяземского приглядеть за младшим братом в Петербурге: «Письмо это отдаст вам мой брат <какой именно — неизвестно>, которого прошу вас, любезный князь, принять в свое благоволение» [Летопись Б.: 303]. Также он благодарит Вяземского за его «милое, дружеское письмо» и замечает, как ему не хватает былых времен:

Вы недостаете Москве. Нет общества, в котором бы вас не вспоминали и не сетовали на ваше отсутствие. <...> Д. Давыдов прислал мне начало вашего послания к нему <...> Он думает недели на две прискакать в Москву. Не решитесь ли и вы последовать его примеру и пригласить с собою Пушкина?

Тогда слово будет делом, тогда

Будут дружеской артели

Все ребята налицо

[Там же].

В феврале 1833 года Баратынский задумал издать в Москве альманах к Пасхе, о чем написал в начале февраля Вяземскому и попросил его дружеского содействия, надеясь на его литературные связи. Это письмо уже абсолютно деловое и посвящено исключительно литературе. По этому письму можно заметить, как от литературной дружбы Баратынского и Вяземского осталась одна лишь литература.

Далее в период с февраля 1833 по октябрь 1836 г. нет никаких свидетельств о переписке Вяземского и Баратынского.

23 октября 1836 г. Вяземский написал А. И. Тургеневу в Москву с просьбой передать письмо Баратынскому. Он намеревался издать альманах и собирал для него материал. Баратынский ответил на это письмо только 5 февраля 1837 года, когда в Москве стало известно о смерти Пушкина. В своем письме он рассуждает о роли Пушкина в литературе, скорбит о его смерти, а в конце письма оправдывается перед Вяземским за долгое молчание:

Если до сих пор не отвечал на письмо ваше, тому виною обстоятельства, может быть, вам уже известные. Я лишился моего тестя, и смерть его передала мне много забот положительных. Сверх того, хотелось к письму моему приложить что-нибудь для вашего литературного сборника, ждал минуты досуга и вдохновения, но по сию пору напрасно [Три письма: 342].

В марте Баратынский отправил Вяземскому в Петербург свое стихотворение «Осень» для пятого тома «Современника», посвященного памяти Пушкина и издаваемого в пользу его семьи [Летопись Б.: 337]. В сопроводительном письме он пишет о том, как создавалась «Осень» и как смерть Пушкина повлияла на последние строфы. Примечательна подпись в конце письма: «Препоручаю себя вашей дружеской памяти. — Е. Боратынский» [Баратынский 1987: 259]. Обычно Баратынский в конце писем к Вяземскому выражал свою дружескую привязанность и нередко подписывался как «Преданный вам Е. Боратынский», здесь же никаких заверений в дружбе и преданности нет. Возможно, что Баратынский чувствовал и понимал: их дружба с Вяземским уже не такая как прежде.

Возобновление дружбы

В начале февраля 1840 г. Баратынский находился в Петербурге, целая серия его писем жене посвящена рассказам и впечатлениям от пребывания в столице. Из писем мы узнаем, что Баратынский часто виделся с Вяземским в те дни, они снова смогли сойтись и узнать друг в друге старых друзей. Их дружба получила новый толчок. Так, в письме от 9 февраля Баратынский пишет: «Вяземской за обедом сел возле меня и был очень любезен. Я в нем узнал прежнего Вяземского. Вообще он бодрее, чем в последний раз в Москве» [Летопись Б.: 361]. Весной 1840 г., когда Вяземский был в Москве, они также часто виделись.

Весной или летом 1842 г. Баратынский отправил Вяземскому и его жене по экземпляру своего сборника стихотворений «Сумерки». Интересно, что в сопроводительном письме

он выделил стихотворение-посвящение «Князю Петру Андреевичу Вяземскому» как центральное в сборнике:

Это небольшое собрание стихотворений предано тиснению почти, если не единственно, для того, чтобы воспользоваться позволением вашим напечатать посвящение <стих. «Князю Петру Андреевичу Вяземскому»>. Примите то и другое с обычным вашим благоволением к автору [Летопись Б.: 387].

Конечно, это было скорее всего этикетное преувеличение, тем не менее, Баратынский подчеркнул важность этого посвящения, написав такие строки Вяземскому.

14 августа 1842 г. Вяземский наскоро ответил и поблагодарил за подарок: «Сердечно обнимаю Вас и благодарю за “Сумерки”. Писать буду после. Завтра еду в Ревель, а может быть, и в место ссылки нашего Овидия — в Гельсингфорс» (цит. по: [Летопись Б.: 391]). Несмотря на то, что Вяземский обещал «писать после», у нас нет никаких свидетельств о том, что он сдержал обещание.

Последние годы Баратынского

В начале сентября 1843 г., перед отъездом в путешествие по Европе, Баратынский с семьей находился в Петербурге. Возможно, там он встретился с Вяземским. По крайней мере, такое намерение он высказал в письме Вяземскому от 10 сентября:

Очень мне совестно, что я не догадался вам оставить адреса новой квартиры Путьята, чем и лишил себя удовольствия видеть вас сегодня. Завтра я целое утро в хлопотах и потому прибегаю к вам вместе с моими хозяевами с покорнейшею просьбою: не откажите у нас обедать. <...> Во всяком случае я не оставлю Петербурга, с вами еще раз не повидавшись и не получив вашего благословения на мое европейское пилигримство [Баратынский 1987: 308].

Эти строки очень показательны: по ним видно, что дружба с Вяземским снова приобрела значение для Баратынского; в них прослеживается то душевное тепло, которое было в их отношениях в конце 1820-х гг.

Характерно в этом отношении и письмо Вяземского от 25 декабря 1843 г. к А. И. Тургеневу в Париж: «<...> Баратынскому мой сердечный привет. Дай ему раскусить Париж и дай особенно же Парижу раскусить его. Я не знаю человека умнее и приятнее его <...>» (цит. по: [Летопись Б.: 405]).

В январе 1844 г. А. И. Тургенев показал это письмо Баратынскому, который так отозвался о нем в письме к Путятям:

В одном из писем Вяземского к Тургеневу помещено несколько строк <см. 1843, дек. 25>, для меня особенно благоволительных. Скажи ему при случае, что я был ими очень тронут и что они сохраняются в том чувстве, которое так хорошо называли сердечною памятью [Путята: 291].

Мы понимаем, что дружба Баратынского и Вяземского смогла преодолеть все трудности, и обоим удалось сохранить «сердечную память».

В мае – июне 1844 г. Баратынский отправил Путятям еще два письма. Во втором сообщил о намерении написать Вяземскому: «На днях я вам адресую письма к нему <Плетневу>, Соболевскому и Вяземскому. Пожалуйста, перешлите» (цит. по: [Летопись Б.: 410]). Но этому не суждено было сбыться: 29 июня (11 июля по новому стилю) Баратынский скоропостижно скончался [Летопись Б.: 411].

Похороны состоялись 31 августа в Петербурге, по свидетельству Н. В. Путяты, «в присутствии семейства покойного и нескольких его приятелей: кн. П. А. Вяземского, П. А. Плетнева, кн. В. Ф. Одоевского и др.» [Путята: 298]. На похоронах присутствовали только родственники и самые близкие друзья, в числе которых был и Вяземский. Оба писателя смогли пронести свою дружбу через почти два десятилетия и, несмотря ни на что, сохранить теплое отношение друг к другу. С уверенностью можно сказать, что их литературных отношений не было бы вовсе, если бы их не связывали теплые человеческие чувства.

Глава II. Литературная репутация Е. А. Баратынского

Е. А. Баратынский вошел в историю поэзии как элегик, один из значимых поэтов пушкинской эпохи, творчество которого относили к “поэзии мысли”. На первый взгляд кажется, что эти три определения являются самоочевидными и не требуют дальнейших объяснений. Такое впечатление ошибочно, поскольку нужно понимать, что литературная репутация Баратынского сложилась не сразу, одномоментно, а находилась в движении, начиная с его литературного дебюта и заканчивая сегодняшним днем. Современный взгляд на Баратынского, конечно, отличается от того, как видели и понимали поэта его современники, в числе которых и литературный друг Баратынского П. А. Вяземский. Именно поэтому, прежде чем говорить о том, каким предстает Баратынский в позднем творчестве Вяземского и почему, необходимо сначала представить, как формировалась его литературная репутация.

Литературный путь

Баратынский вышел на литературную сцену в конце 1810-х – начале 1820-х гг. и довольно быстро обрел известность и признание, преимущественно благодаря своим элегиям. В 1821 г. Пушкин писал Вяземскому: «Но каков Баратынкой? Признайся, что он превзойдет и Парни и Батюшкова — если впредь зашагает, как шагал до сих пор — ведь 23 года — счастливцу! Оставим все ему эротическое поприще и кинемся каждый в свою сторону, а то спасенья нет» [Пушкин: XIII, 34]. Тремя годами позднее в письме к А. А. Бестужеву Пушкин снова отметил: «Баратынский — прелесть и чудо, *Признание* — совершенство. После него никогда не стану печатать своих элегий, хотя бы наборщик клялся мне евангелием поступать со мною милостивее» [Пушкин: XIII, 84]. Однако стоит учитывать, что Пушкин был другом Баратынского и в эти годы их дружба еще не охладела, как это произошло позднее, в 1830-е. К тому же, как известно, Пушкин не скупился на хвалебные отзывы, и мог преувеличивать, что видно и по приведенным высказываниям (как показала история, обещания «никогда больше не печатать своих элегий» были, конечно, шуткой). Таким образом, не стоит преувеличивать вес и значимость отзывов Пушкина, но как признание таланта и достижений Баратынского их стоит отметить.

Были и другие признания заслуг поэта. 26 января 1820 г. Баратынский был заочно принят в члены-корреспонденты Вольного общества любителей российской словесности, а чуть

более чем через год, 28 марта 1821 г., переведен из членов-корреспондентов в действительные члены [Летопись Б.: 94, 105]. Это было своего рода исключительное признание заслуг Баратынского. Как пишет А. Мартыненко в статье «Баратынский и “Ученая республика”»: к истории формирования литературной репутации поэта», избрание поэта действительным членом не соответствовало уставу общества, который предписывал действительным членам регулярно присутствовать на собраниях. Баратынский же такой возможности не имел, так как находился на службе в Финляндии. Такое решение, идущее вразрез с уставом, исследовательница связывает с литературными достижениями поэта: «Перевод из членов-корреспондентов в действительные члены мог означать своего рода “поощрение” со стороны ВОЛРС за активное сотрудничество, а именно — за те тексты, которые Баратынский посылал для представления в Обществе и публикации в “Соревнователе” на протяжении 1820–1821 гг.» [Мартыненко: 41–42].

Интересно, что в это время в критике разворачивается дискуссия о том, возможно ли причислять Баратынского к числу «первых русских поэтов». Впервые в их ряду Баратынского упомянул А. А. Бестужев в 1821 г. в своей книге «Поездка в Ревель» [Летопись Б.: 110]:

Далее, мыслю я, мнение публики о лучших современных Писателях почти справедливо — и потому, на пример: Жуковскому и Крылову едва ли прибавит достоинства и прекрасная критика, — Пушкина и Баратынского не убьет и дурная. Но когда я вижу самозванцев-Поэтов рядом с патронами нашего Парнаса, когда замечаю людей, из коих одни хотят пробить дверь славы медным лбом самохвальства, а другие проползти к ней в замочную скважину — в то время кровь моя кипит [Бестужев 1821: 108].

В 1822 г. в 13-м номере «Сына отечества» в разделе «Критика» вышло «Письмо к издателю» П. А. Катенина, адресованное Н. И. Гречу по поводу выхода его «Опыта краткой истории русской литературы» [Летопись Б.: 113]. Там Катенин критиковал Греча, в частности, за то, что в книге не упомянут Баратынский:

Из молодых Писателей упомянули вы об одном Пушкине; он конечно первый между ими, но не огорчительно ли прочим оставаться в неизвестности? Молодежь требует одобрения, от нее только можно по справедливости ожидать дальнейших успехов; одного слова иногда довольно, чтобы воспламенить пылкую душу, одного оскорбления, чтобы убить ее. Признаюсь вам, мне особенно жаль, что вы не упомянули о Баратынском. Хотя, к сожалению, большая часть его стихов написаны в модном и насколько однообразном тоне мечтаний, воспоминаний, надежд, сетований

и наслаждений; но в них приметен талант истинный, необыкновенная легкость и чистота [Катенин: 260–261].

В своем ответе, опубликованном в том же номере «Сына отечества», Н. И. Греч писал, что упоминание о Баратынском и о других молодых писателях он поместит во втором издании книги. При этом Греч особенно выделил талант А. С. Грибоедова, но не Баратынского, как настаивал Катенин:

Что касается до Гг. Грибоедова, Жандра, Загоскина, Баратынского (прибавлю еще Раича, Плетнева, А. Крылова, М. Дмитриева и мн. др.), то я предоставляю себе удовольствие поместить известия о них во втором издании моей книги: отличные их таланты (особенно первого из них) ругаются в том, что они вскоре обогатят нашу Словесность достойными их произведениями, и займут па Русском Парнассе принадлежащее им место [Греч: 266–267].

В конце 1822 г. в «Полярной звезде» была опубликована статья А. А. Бестужева «Взгляд на старую и новую словесность в России», где он снова ставит Баратынского в один ряд с Пушкиным. Статья была программной, поэтому неудивительно, что Бестужев дает в ней гораздо более четкий и аргументированный отзыв о творчестве Баратынского, чем в «Поездке в Ревель»:

Баратынский по гармонии стихов и меткому употреблению языка может стать наряду с Пушкиным. Он нравится новостью оборотов; его мысли не величественны, но очень милы. Пиры Баратынского игривы и забавны. Во многих безделках виден развивающийся дар; некоторые из них похищены, кажется, из альбома граций [Бестужев 1960: 22–23].

Статья Бестужева не осталась без внимания. В. И. Козлов выпустил рецензию на статью, где согласился с мнением о Баратынском [Летопись П.: 311]. Однако в печати были высказаны и оценки, расходившиеся с отзывом Бестужева. В. Ф. Одоевский писал в своей рецензии: «Несправедливо также поставить Баратынского с его развивающим¹ даром на ряду с новым Прометеем и триумвиром Поэзии А. Пушкиным» [Одоевский: 144–145].

Еще больший, чем статья Бестужева, резонанс в критике вызвала статья П. А. Плетнева «Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах», опубликованная в конце 1824 года в «Северных цветах на 1825 г.». В этой статье Плетнев очень высоко оценил Баратынского

¹ Судя по всему, в «Вестнике Европы» опечатка. По контексту понятно, что имелось в виду «развивающимся».

и его стихи, назвал поэта новатором в языке чувств, а его произведения – примером почти классической поэзии:

Между тем, как мы воображали, что язык чувств уже не может у нас сделать новых опытов в своем искусстве, явился такой поэт, который разрушил нашу уверенность. Я говорю о Баратынском. В элегическом роде он идет новою, своею дорогою. Соединяя в стихах своих истину чувств с удивительною точностию мыслей, он показал опыты прямо классической поэзии. Состав его стихотворений, правильность и прелесть языка, ход мыслей и сила движений сердца выше всякой критики. Он ясен, жив и глубок. Во всем отчет составляет отличительность его стихов. Нет слова, нет оборота, нет картинки, где бы вы не чувствовали ума и вдохновения. Разбирайте строго каждый его стих, следуйте за ним внимательно до конца стихотворения: и вы признаетесь, что он извлек все лучшее из своего предмета, отбросил все излишнее и не забыл ничего необходимого. [Плетнев: 65–67].

Реакция критики не заставила себя ждать. 16 января 1825 года в журнале «Сын отечества» было опубликовано продолжение «Писем на Кавказ» за подписью некоего Ж. К. В «Письмах» содержался отзыв от некоего Д. Р. К. о «Северных цветах» и статье Плетнева. Д. Р. К. не согласился с оценкой места Жуковского (который был назван у Плетнева «первым поэтом золотого века нашей словесности») и Баратынского в русской литературе: «Мне совестно выписывать все сказанное на щет Жуковского в этом обозрении Поэтов, где Державин только назван прежде других, а все прочие поэты, особенно Жуковский, Пушкин и Баратынский (!) поставляются выше, ибо в похвалах им истощено все, что можно было сказать о Гомере, Пиндаре и Виргилии» [Письма: 203]. По предположению А. М. Пескова, за криптонимом «Ж. К.» мог скрываться Н. И. Греч, а за «Д. Р. К.» – Ф. В. Булгарин [Летопись Б.: 148]. В «Словаре псевдонимов» И. Ф. Масанова оба псевдонима приписаны Гречу [Масанов: 318, 373], вообще авторство «Писем» было предметом неоднократных дискуссий (см. об этом [Критика: 423–424]). Мы оставляем этот вопрос за пределами рассмотрения, но отметим, что оба варианта возможны. Отношения Булгарина с Баратынским резко ухудшились после лета 1824 г., когда Дельвиг вызвал Булгарина на дуэль [Летопись Б.: 139]. В сентябре 1824 г. в «Литературных листках» вышел памфлет Булгарина «Литературные призраки», направленный против Дельвига и Баратынского. И хотя дуэль не состоялась, а Дельвиг с Булгариным помирились, с Баратынским отношения были испорчены навсегда [Летопись Б.: 142–143]. Н. И. Греч был настроен более дружелюбно, однако «Историю кокетства» Баратынского все же назвал худшим прозаическим текстом из опубликованных в «Северных цветах» на 1825 г. Отношения Плетнева с Гречем и

Булгариным тоже были не самыми теплыми, так как Плетнев принадлежал к пушкинскому «союзу поэтов».

Наиболее интересно то, что Плетнев подвергся критике и со стороны более близких ему писателей. А. Бестужев так писал Вяземскому о «Северных цветах» в январе 1825 г.: «<...> главный недостаток книжки есть совершенное отсутствие веселости — не на чем улыбнуться. Разве над добродушием Плетнева, который возвышает тропарь свой в акафисте Баратынскому и прочим» [Бестужев 1956: 228]. Бестужев еще недавно сам очень положительно оценивал поэзию Баратынского и высоко ставил его, а теперь улыбался «добродушию Плетнева». Статья также не понравилась ни Пушкину, ни Баратынскому, о чем мы узнаем из письма Плетнева Пушкину от 7 февраля 1825 г.: «Мне Дельвиг часто повторяет пословицу русскую: если трое скажут тебе ты пьян, то ложись спать. После твоего письма о моем несчастном Письме к графине пришлось мне лечь спать. Его обляяли в Сыне Отечества; Баратынский им недоволен, ты тоже» [Пушкин: 139]. Доподлинно не известно, в чем была причина недовольства, но Плетневу за статью пришлось оправдываться: большая часть письма состоит из объяснений (в 13 пунктах). Можно предположить, что Плетнев хотел этой статьей окончательно разрешить вопрос о месте Баратынского «на русском Парнасе», однако не совсем удачные формулировки, а местами и преувеличения вызвали критику со всех сторон. Оппоненты «пушкинского лагеря» были готовы признавать заслуги, талант Пушкина, а также его место среди первых русских писателей, но явно были не готовы поставить рядом на столь же высокую позицию Баратынского, особенно учитывая, что его воспринимали как выходца из «пушкинского круга». Литературные соратники же не могли согласиться со столь лестной характеристикой Баратынского, потому что многие положительные отзывы и так давались авансом (ср. письмо Пушкина Вяземскому 1821 г.). Поэтому статья Плетнева либо вызывала улыбку (как в случае с Бестужевым), либо – прямое несогласие. Как показывает дальнейшее развитие событий, статья Плетнева скорее повредила репутации Баратынского. Показательно в этом отношении письмо Бестужева Пушкину от 9 марта 1825 г.:

Что же касается до Баратынского — я перестал верить в его талант. Он исфранцузился вовсе. Его Эдда есть отпечаток ничтожности, и по предмету, и по исполнению, да и в самом Черепе я не вижу целого — одна мысль, хорошо выраженная, и только. Конец — мишура [Пушкин: 149–150].

Как видно, мнение Бестужева довольно резко изменилось. Сам он называет причиной такого изменения впечатления от «Эды» и «Череп» Баратынского. Помимо субъективного фактора, были и объективные причины для такого изменения. В начале своего творческого пути Баратынский – продолжатель школы «гармонической точности». Как пишет Л. Я. Гинзбург: «Баратынский 20-х годов говорит пока языком классической элегии, но на другой глубине» [Гинзбург: 77]. При этом Баратынский использует традиционные формы и жанры. Во второй половине 1820-х он ищет новые темы и формы (отсюда попытка создать поэму в противовес Пушкину). Именно на стыке двух этих этапов творчества вышла статья Плетнева, которая, как видится, создала не самый благоприятный фон для новых публикаций: столь лестная характеристика рождала несогласие и, как следствие, побуждала смотреть на творчество Баратынского более критически. В этом плане 1825 год можно считать поворотным: вся дальнейшая критика будет более сдержанна и холодна к произведениям Баратынского. Конечно, «Эда» и сборник стихотворений 1827 г. будут иметь некоторый успех, и в критике второй половины 1820-х годов будет достаточно и положительных отзывов о творчестве Баратынского, но вопрос о принадлежности поэта к «первым русским писателям» подниматься больше не будет.

В 1830-е годы Баратынский гораздо менее активен на литературной сцене, чем в 1820-е: меньше пишет, меньше публикует. Во второй половине декабря 1832 — январе 1833 г. он писал Вяземскому: «Я не пишу ничего нового и вожусь со старым...» [Письма к Вяземскому: 54]. При этом критика в адрес Баратынского звучит гораздо сильнее, чем это было во второй половине 1820-х. Характерно, что пишет о Баратынском в 1834 г. В. Г. Белинский (только начинающий тогда критик) в своих «Литературных мечтаниях»:

Г-на Баратынского ставили на одну доску с Пушкиным; их имена были неразлучны, даже однажды два сочинения сих поэтов явились в одной книжке, под одним переплетом. <...> теперь даже и в шутку никто не поставит имени г. Баратынского подле имени Пушкина. Это значило бы жестоко издеваться над первым и не знать цены второму. Поэтическое дарование г. Баратынского не подвержено ни малейшему сомнению. Правда, он написал плохую поэму «Пирь», плохую поэму «Эда» («Бедную Лизу» в стихах), плохую поэму «Наложницу», но вместе написал и несколько прекрасных элегий, дышащих неподдельным чувством, из коих «На смерть Гёте» может назваться образцовою, несколько посланий, отличающихся остроумием. Прежде его возвышали не по заслугам; теперь, кажется, унижают неосновательно. Замечу еще, что г. Баратынский обнаруживал

во времена оны претензии на критический талант; теперь, я думаю, он и сам разуверился в нем [Белинский: I, 74].

Как видно, Белинский отказывает Баратынскому в месте рядом с Пушкиным, ибо тот, кто писал «плохие поэмы» и у кого есть «несколько прекрасных элегий», недостойно стоять в ряду с первыми русскими писателями. Критик признает талант Баратынского, но только как второстепенного поэта. При этом он очень точно описывает ту ситуацию, которая складывалась вокруг Баратынского в критике. «Возвышали не по заслугам» молодого поэта в первой половине 1820-х годов, когда ставили его в один ряд с Пушкиным, «теперь унижают неосновательно» – о той критике, которая обрушилась на поэта со второй половины 1820-х гг.

Не смог переломить ситуацию и сборник «Стихотворения Евгения Баратынского», вышедший в 1835 г. Сборник успеха не имел. Причины неудачи сборника подробно описаны А. С. Бодровой в статье «Несвоевременный сборник: “Стихотворения” 1835 года в литературной карьере Баратынского» [Бодрова 2018]. Мы на этом останавливаться не будем, рассмотрим сборник только с точки зрения влияния на литературную репутацию поэта. В сборник вошло 131 стихотворение и 6 поэм, то есть почти все, что Баратынский успел написать к 1835 г. с момента своего литературного дебюта [Бодрова 2018: 53]. Сам Баратынский признавал, что сборник является некоторым итогом его творчества: «Я продал Смирдину полное собрание моих стихотворений. Кажется, оно в самом деле будет последним и я к нему ничего не прибавлю. Время поэзии индивидуальной прошло, другой еще не созрело» [Письма к Вяземскому: 54]. Несмотря на такой «итоговый» характер, сборник не привлек особенного внимания критики. После его выхода в период с 1835–1836 гг. появилось всего три рецензии: в «Библиотеке для чтения», «Телескопе», «Журнале Министерства народного просвещения» [Летопись Б.: 327, 330, 334]. Среди них лишь одну можно уверенно назвать положительной. С наиболее острой критикой в адрес сборника выступил В. Г. Белинский:

Несколько раз перечитывал я стихотворения г. Баратынского и вполне убедился, что поэзия только изредка и слабыми искорками блестит в них. Основной и главный элемент их составляет ум, изредка задумчиво рассуждающий о высоких человеческих предметах, почти всегда скользящий по ним, но всего чаще рассыпающийся каламбурами и блещущий остроумиями. <...> И перечтите все стихотворения г. Баратынского: что вы увидите в каждом из лучших? Два-три поэтических стиха, вылившиеся из сердца; потом риторика, потом несколько прозаических

стихов; но везде ум, везде литературную ловкость, уменье, навык, щегольскую отделку и больше ничего. <...> есть и у г. Баратынского несколько замечательных стихотворений, <...> но одни из них хороши по мысли, но холодны, а все вообще оставляют в душе такое же слабое впечатление, как дуновение уст на стекле зеркала: оно легко и скоропреходяще. <...> — В числе необходимых условий, составляющих истинного поэта, должна непременно быть современность. Поэт больше, нежели кто-нибудь, должен быть сыном своего времени. Скажите, Бога ради, может ли поэт нашего времени написать два длинных, вялых прозаических послания, каковы к Богдановичу и Гнедичу, которых самый механизм стихов скрыпит, как тяжелые ворота на верях, и в которых нет не только ни искры чувства, но даже и порядочной мысли? [Белинский: I, 324–326].

Здесь Баратынский впервые назван поэтом «другого, чужого» поколения, что существенно расходится с мнением Белинского о поэте, высказанным ранее в «Литературных мечтаниях». И если «несовременность» Баратынского еще заключена в форму риторического вопроса («может ли поэт нашего времени...»), то в рецензии на «Сумерки» 1842 г. это превратится в утверждение. Белинский все четче проводит черту между «литературой прошлого», куда включает и Баратынского, и «литературой настоящего».

Во второй половине 1830-х годов Баратынский отходит от литературной и светской жизни. Отчасти это было связано с тем, что за последние годы он потерял нескольких близких друзей, которые также были литературными собеседниками и во многом проводниками в мир литературы: в 1831 г. умер Дельвиг, в 1834 произошел разрыв с Киреевским, в 1837 умер Пушкин². Отчасти причиной отчуждения стали семейные и домашние обстоятельства, которые требовали внимания: к 1839 г. у Баратынского было семеро детей, образованием которых необходимо было заниматься. На плечах Баратынского лежали также заботы по управлению тремя имениями (Мураново, Каймары, Скуратово) [Песков: 41]. Как пишет А. М. Песков, в эти годы «Баратынский перестает действовать как писатель: он не строит никаких литературных планов, не задумывает новых поэм, не участвует в литературной полемике» [Там же]. Эта творческая и публикационная пауза не лучшим образом сказалась на литературной репутации поэта. Когда в 1842 году вышел сборник «Сумерки», критики были удивлены. О Баратынском, кажется, все успели забыть, а сама литература, как и действующие в ней

² В этом ряду Пушкин, конечно, является некоторым исключением. Как известно, в последние годы между ним и Баратынским не было особо теплых отношений, и они мало общались, но их связывала память о «былом литературном братстве», а литературный вес Пушкина был настолько велик, что его смерть не могла не повлиять на Баратынского

лица, сильно изменились. П. А. Плетневу в его положительной рецензии на «Сумерки» приходится напоминать читателям, кто такой Баратынский:

В литературе есть имена, есть таланты, есть сочинения, которые появлением своим каждый раз вносят в душу читателя особый мир идей, образов, ощущений и хотя на мгновение облачают жизнь легкою, светлою радостью. Это те немногие из художников, которые постигнув свое призвание, ему одному оставались всегда верны, любили искусство, потому что в его только сфере чувствуешь дыхание чистой красоты и высокой истины, не изменяли вечным законам творчества и, уклонившись в обитель созерцательности и гармонии, не узнали о существовании изменчивых приговоров толпы. <...> К числу поэтов, так действующих на образованного читателя бесспорно принадлежит Евгений Баратынский <...> [Современник: 96–97].

Критика Белинского также не оставляет сборнику шансов на успех. Белинский очень последовательно характеризует его автора как «элегического поэта уже чуждого нам поколения» и утверждает, что место Баратынского, как и его поэзии, в истории:

Жизнь как добыча смерти, разум как враг чувства, истина как губитель счастья — вот откуда происходит элегический тон поэзии г. Баратынского и вот в чем ее величайший недостаток. Здание, построенное на песке, недолговечно; поэзия, выразившая собою ложное состояние переходного поколения, и умирает с тем поколением, ибо для следующих не представляет никакого сильного интереса в своем содержании [Белинский: VI, 476].

Белинский фактически «хоронит Баратынского еще при жизни» [Бодрова 2020]. Когда через два года, в 1844 г., Баратынский умер, авторы некрологов вторили мнению Белинского, говоря, что время Баратынского и его литературы давно прошло. Смерть поэта никак не повлияла на его литературную репутацию, в отличие от того, как это было в случае со смертью Пушкина и Лермонтова [Бодрова 2020].

Небольшая вспышка интереса к Баратынскому происходит в кругу журнала «Современник» в начале 1850-х гг., когда Н. А. Некрасов, стремясь вернуть поэзию в русскую литературу, начинает цикл статей «Русские второстепенные поэты» [Бодрова 2020]. По замыслу Некрасова в этом цикле должна была выйти и статья о Баратынском, однако она так и не появилась [Гин, Мельгунов: 317].

Только через 40 лет, благодаря усилиям модернистов, произошло настоящее переосмысление и возрождение Баратынского. Его произведениями вдохновляются, их цитируют и теоретически разбирают. Важную роль в этом сыграл В. Я. Брюсов, который интересовался Баратынским и как филолог [Бодрова 2020]. Брюсов писал о поэте:

“Баратынский у нас оригинален, ибо мыслит” — этими словами Пушкин указал на самое существенное в поэзии Баратынского: он — поэт-мыслитель. Вот почему именно у Баратынского яснее, чем у кого другого, выразилось его мировоззрение, как он сам понимал его в часы раздумий. <...> Стихи Баратынского замечательны именно их обдуманностью, поэт жертвовал скорее красотой стиха, чем точностью выражений: за каждым образом, за каждым эпитетом чувствуется целый строй мыслей. Поэт непосредственного вдохновения, пожалуй, глубже раскроет перед читателями свою душу, — но никто вернее, чем поэт-мыслитель, не ознакомит со своим рассудочным миропониманием, с тем, что сам он считал своей истиной... [Брюсов: 34].

Наиболее примечательна здесь смена координат оценки. Если современники Баратынского подчеркивали его приверженность элегическому жанру и часто критиковали его за отсутствие «мыслей» в стихах, то Брюсов, как и другие модернисты, увидел в Баратынском именно поэта-мыслителя. Ему также удалось, кажется, сформулировать главную причину непонятости Баратынского современниками:

Баратынскому суждено было предварить свой век. В 20-х годах, юношей, он называл себя «разочарованным», но подобные ему явились только лет 10 позже, и они переняли именно это название. Жалобы Баратынского, что «век шествует путем своим железным», писанные в конце 30-х годов, относятся словно ко времени позже на полвека. Развитие Баратынского — это история развития нашего общества, только Баратынский быстрее прошел все ступени [Брюсов: 35].

Баратынский опередил свое время и только через полвека был по достоинству оценен и признан. В советское время Баратынский не входил в школьный канон и был, таким образом, опять забыт. После распада СССР Россия искала исторические и культурные корни именно в дореволюционном периоде, и вместе с интересом к модернистам пришел и интерес к Баратынскому. Можно предположить, что во многом именно благодаря модернистам мы до сих пор помним и читаем Баратынского.

Баратынский как элегик и как поэт мысли

Как уже говорилось, Баратынский действительно прославился благодаря своим элегиям, так что закрепление за ним репутации поэта-элегика было закономерно в начале его творческого пути. Как отмечала А. И. Мартыненко, в рамках деятельности в Вольном обществе любителей российской словесности в период с 1820–1822 гг. Баратынский отдавал предпочтения элегиям и посланиям, то есть более «серьезным» и «крупным» жанрам по сравнению с альбомными стихотворениями и стихами на случай [Мартыненко: 42]. Подобная публикационная стратегия, очевидно, способствовала закреплению за Баратынским репутации элегика. Конечно, творчество Баратынского

развивалось, и поэт искал новые формы и средства, однако, несмотря на его попытки, многие современники продолжали видеть в нем элегика. Кажется, что поддержанию этого образа способствовал и философский пессимизм Баратынского. Современники, видя в стихах поэта пессимистичные размышления, считывали их как «уныние», а уныние автоматически ассоциировалась с жанром элегий. Исследователи неоднократно отмечали сложность жанрового определения поздних стихотворений Баратынского [Гинзбург; Гельфонд; Рудакова]. Всю сложность поздней лирики видели лишь немногие близкие друзья поэта (в их числе и Вяземский). Как писала Л. Я. Гинзбург: «Предыдущая эпоха передала Баратынского 30-м годам в качестве признанного поэта мысли. Так воспринимали Баратынского Пушкин, Вяземский, Дельвиг, Плетнев» [Гинзбург: 87]. По-настоящему же творчество Баратынского открыли, как уже говорилось, модернисты, которые увидели не только мастерские стихи, но и кроющуюся в них философию. Ю. И. Айхенвальд писал:

Баратынский известен в русской литературе как поэт мысли. <...> <Он> вообще претворяет свои ощущения в разум; он вообще неустанно думает, и как алмазные искры там и здесь вспыхивают в его творчестве красивые мысли, неожиданные обобщения людского опыта. От каждого явления мировой жизни вдумчиво берет он его смысл, его умную сердцевину, и показывает ее красоту. Не только чувство в своей силе и страсти, в бесконечном разнообразии своих цветов и оттенков может служить предметом лиризма, но и человеческое размышление о мире тоже вдохновенно облекается в поэтические строфы. Мысль прекрасна, и Баратынский отдался ей, но через это не стал рассудочен. Возникла особая лирика мысли <...> [Айхенвальд: 90].

Еще в юношестве у Баратынского была страсть к рассуждениям и философствованию; см., напр., его философические письма к родственникам 1816 г. [Песков: 10]. Эта страсть, видимо, повлияла позднее и на творчество поэта. А. М. Песков писал:

Страсть к рассуждению пробудилась в Баратынском еще в пажеские годы. Но в первых стихотворных опытах можно обнаружить лишь отдельные ее следы. Начиная с 1820 г. установка на философскую медитацию становится отличительным признаком его поэзии [Песков: 16].

П. А. Вяземский замечал в своих мемуарах про Баратынского: «Во всяком случае, как был он сочувственный, мыслящий поэт, так равно был он мыслящий и приятный собеседник» [Вяземский 1878: XVIII, 291].

Глава III. Е. А. Баратынский в позднем творчестве П. А. Вяземского

30 июля 1844 г. П. А. Вяземский отметил в записной книжке: «Получено известие о смерти скоропостижной Евгения Баратынского в Неаполе» [ЗК: 180]. В этой книжке Вяземский делал заметки во время путешествий в Германию в 1835 г. и в Ревель в 1844 г. Известие о смерти друга встало рядом с путевыми замечаниями – как событие, достойное памяти. Однако стоит также заметить, что смерть Е. А. Баратынского не вызвала в 1844 г. поэтического отклика, как это было в случае с Дельвигом, Пушкиным и некоторыми другими близкими друзьями Вяземского. Он в 1840-е гг. вообще писал мало, М. И. Гиллельсон связывал это с тем, что переход в новую эпоху был для Вяземского тяжелым: поэт чувствовал отчужденность и одиночество, что обусловило малую творческую активность в эти годы [Гиллельсон: 300]. Отголосок впечатлений от смерти Баратынского можно увидеть в стихотворении «Уж не за мной ли дело стало?...», написанном в 1845 г. и пронизанном мыслями о смерти:

Уж не за мной ли дело стало?
Не мне ль пробьет отбой? И с жизненной бразды
Не мне ль придется снести шалаш мой и орало
И хладным сном заснуть до утренней звезды? <...>

Но вот ударит час, час страшный пробужденья;
Прозревшие глаза луч истины язвит,
И призрак — где ж его и блеск, и обольщенья? —
Он, вдруг окостенев, как вкопанный стоит.

С закрытого лица подъемлет он забрало —
И видим мы не жизнь, а смерть перед собой.
Уж не за мной ли дело стало?
Теперь не мне ль пробьет отбой?
[Вяземский 1986: 279].

По предположению К. А. Кумпан, стихотворение было навеяно чередой смертей близких: в 1840 г. умерла дочь Вяземского Надежда, в 1844-м – Баратынский и Крылов [Кумпан: 505].

Вяземский обращается к Баратынскому только в стихотворении «Литературная исповедь», написанном предположительно в 1854 г. Стихотворение консервативно и оппозиционно к современной литературе, как по форме, так и по содержанию. Написано

оно александрийским стихом, что в середине XIX века было уже архаичной формой. Как писал М. И. Гиллельсон, особое пристрастие Вяземского к александрийскому стиху объяснялось тем, что поэту было важно иметь как можно больше свободы и пространства для выражения своих мыслей в стихотворениях, а александрийский стих давал такую возможность [Гиллельсон: 350]. При этом Вяземский, видимо, выбрал эту форму для «Литературной исповеди» еще и потому, что она подчеркивала его обособленность и отгороженность от современной поэзии [Там же]. Поводом для написания стихотворения, как явствует из первых же строк, послужили выходявшие в свет в 1840-е – 1850-е гг. учебные пособия и хрестоматии по литературе В. Т. Плаксина и А. Д. Галахова, в которые были включены сочинения «новых» поэтов, — по мнению Вяземского, в ущерб писателям начала века, пушкинской эпохи:

Сознаться должен я, что наши хрестоматы
Насчет моих стихов не очень тороваты.
Бывал и я в чести; но ныне век другой:
Наш век был детский век, а этот — деловой.
Но что ни говори, а Плаксин и Галахов,
Браковщики живых и судьи славных прахов,
С оглядкою меня выводят напоказ,
Не расточая мне своих хвалебных фраз
[Вяземский 1986: 330].

Как отмечал А. Вдовин, вышедшая в 1843 г. первая хрестоматия Галахова, в которую он не включил многие тексты, до того считавшиеся каноническими, вызвала резкую критику; последующие издания усугубили остроту дискуссий [Вдовин]. Таким образом, «Литературная исповедь» — это своеобразный ответ Вяземского, где он декларирует свои принципы творчества, взгляд на литературу и выстраивает свой, альтернативный «канон». Стихотворение в этом плане ярко иллюстрирует литературную позицию Вяземского в середине века. Оно, как и многие другие поздние его стихотворения, наполнено критикой современной литературы и публики, ностальгией по прошлому и обращениями к первой трети XIX века как к «золотому веку» русской литературы. Как отмечала Т. Н. Степанищева, Вяземский уже в конце 1830-х гг. начал писать «свою историю своей эпохи»: в статье «Взгляд на литературу нашу в десятилетие после смерти Пушкина» содержался набросок писательского пантеона, в котором присутствовал и Баратынский в одном ряду с Карамзиным, Дмитриевым и Пушкиным [Степанищева: 211].

В «Литературной исповеди» Баратынский упомянут дважды. Первый раз, когда Вяземский вспоминает о своих молодых годах и своей журнальной деятельности:

Когда я молод был и кровь кипела в жилах,
Я тот же кипяток любил искать в чернилах.
Журнальных схваток пыл, тревог журнальных шум,
Как хмелем, подстрекал заносчивый мой ум.
В журнальный цирк не раз, задорный литератор,
На драку выходил, как древний гладиатор.
Я русский человек, я отрасль тех бояр,
Которых удалство питало бойкий жар;
Любил я — как сказал певец финляндки Эды —
Кулачные бои, как их любили деды.
В преданиях живет кулачных битв пора;
Боярин-богатырь, оставив блеск двора
И сняв с себя узду приличий и условий,
Кидался сгоряча, почуя запах крови,
В народную толпу, чтоб испытать в бою
Свой жилистый кулак, и прыть, и мощь свою.
[Вяземский 1986: 331].

«Певец финляндки Эды» – это, конечно, Баратынский, автор поэмы «Эда». Вяземский здесь апеллирует к эпиграмме Баратынского, написанной еще до личного знакомства, в которой он сравнивался с графом Алексеем Орловым. Судя по всему, Вяземскому из отношений с Баратынским особенно запомнился этот эпизод и эта эпиграмма. Как уже говорилось в первой главе, Вяземский вспоминал их и в своих мемуарах. Это может свидетельствовать о том, что писатель не видел в эпиграмме иронии в свой адрес, а, наоборот, ценил ее за точность и правдивость, а Баратынского — за ум и проницательность (которые неоднократно подчеркивал).

Второй раз Баратынский упоминается в «Литературной исповеди» в одном ряду с Жуковским, Батюшковым и Пушкиным. Вяземский декларативно отказывается подчиняться мнениям широкой публики; для поэта важно лишь само творчество:

Почтенной публикой (я должен бы сказать:
Почтеннейшей — но в стих не мог ее загнать) —
Почтенной публикой не очень я забочусь,
Когда с пером в руке за рифмами охочусь.
В самой охоте есть и жизнь, и цель своя
(В Аксакове прочти поэтику ружья).

В самом труде сокрыт источник наслаждений
[Вяземский 1986: 331–332].

При этом в качестве публики поэту достаточно нескольких самых близких друзей, которые могут судить стихи:

И я желал себе читателей немногих,
И я искал судей сочувственных и строгих;
Пять-шесть их назову — достаточно с меня,
Вот мой ареопаг, вот публика моя.
Житейских радостей я многих не изведаль;
Но вместо этих благ, которых бог мне не дал,
Друзьями щедро он меня вознаградил,
И дружбой избранных я горд и счастлив был.
Иных уж не дочтуть: вождей моих не стало;
Но память их жива: они мое зеркало;
Они в трудах моих вторая совесть мне.
И вопрошать ее люблю наедине.
Их тайный приговор мне служит ободреньем
Иль оставляет стих «под сильным подозреньем».
[Вяземский 1986: 334].

Стоит заметить, что Вяземский действительно отдавал свои стихи на суд близким друзьям, но редко прислушивался к замечаниям [Степанищева: 207].

В защиту себя и своего творчества Вяземский призывает старых друзей и литературных соратников:

Доволен я собой, и по сердцу мне труд,
Когда сдастся мне, что выдержал бы суд
Жуковского; когда надеяться мне можно,
Что Батюшков, его проверив осторожно,
Ему б на выпуск дал свой ценсорский билет;
Что сам бы на него не положил запрет
Счастливый образец изящности афинской,
Мой зорко-сметливый и строгий Боратынский;
Что Пушкин, наконец, гроза плохих писак,
Пожав бы руку мне, сказал: «Вот это так!»
[Вяземский 1986: 334–335].

Как верно отмечал М. И. Гиллельсон: «Жизнь стремительно шла вперед, а он <Вяземский>, в плену у прошлого, судил свою поэзию по приговорам 1810—1830-х

годов, проецируя в совершенно иную эпоху мнения Жуковского, Батюшкова, Пушкина и Баратынского» [Гиллельсон: 350].

Как видно, Баратынский характеризуется в этом стихотворении формулами «Счастливый образец изящности афинской» и «Мой зорко-сметливый и строгий». Первая формулировка является, видимо, не только комплиментом, но еще и указывает на классицистические черты в творчестве Баратынского. Здесь можно вспомнить рецензию Плетнева, где он называл стихотворения поэта «опытами прямо классической поэзии». Вторая формулировка «Мой зорко-сметливый и строгий» отсылает, видимо, к личным качествам Баратынского: с одной стороны, к его уму и проницательности, которые так ценил Вяземский, а с другой, к его сдержанному, меланхолическому характеру.

Отметим также, что позднее в «Автобиографическом введении» Вяземский снова вернулся к теме «дружеского ареопага», вновь упомянув Баратынского и расширив этот список:

Скажу и здесь: если Карамзин и Пушкин бывали ко мне строги, то порою бывали и милостивы. Они нередко сочувствовали плодам пера моего, драли меня за уши, но гладили и по головке, одобряли, поощряли меня. Тоже скажу о Дмитриеве, Жуковском, Батюшкове, Баратынском, Дашкове, Блудове. Могу сказать, что я избалован был, как строгими замечаниями их, так и похвальными отзывами. В самой строгой критике, когда она основательна и сметлива, может быть слышна нота сочувствия [Вяземский 1878: I, XLIII].

В 1858 г. Вяземский помещает в качестве эпитафии к своему стихотворению «Желание» строку из элегии Баратынского «Разуверение», написанной в 1821 г. Здесь Вяземский обращается к раннему Баратынскому-элегическому, к одной из наиболее известных его элегий. Эпитафия подобрана очень точно, стихотворение Вяземского тематически вторит элегии Баратынского, в основе обоих произведений мысль о том, что покой и бесстрашие, а не бури страстей являются залогом счастья. Местами формулировки у поэтов очень близки. Ср. окончание «Желания» Вяземского:

Молю: улыбкой вероломной
Не растравляй заснувших ран,
Не вызывай из бездны темной
Снов, обличивших свой обман.

Бесплодны будут заклинанья;

Отстань, не искушай меня;
В одном отсутствии желанья
Хочу провести остаток дня.
[Вяземский 1986: 356].

с финальными строками «Разуверения» Баратынского:

Слепой тоски моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волнение,
А не любовь пробудишь ты
[Баратынский 1936: 25].

Как можно увидеть, Вяземский лексически и стилистически здесь во многом следует за Баратынским. В ходе разработки близкой лирической темы возникает поэтический диалог с предшественником, который у Вяземского – что вообще характерно для таких творческих диалогов – насыщается реминисценциями стихов Баратынского, почти стилизуется под его манеру.

Через пять лет, в 1863 г. Вяземский снова обратится к творчеству Баратынского, но уже к позднему. Его стихотворение начинается прямо обозначенной неточной цитатой из стихотворения “На что вы дни! Юдольный мир явленья...”, напечатанного в сборнике «Сумерки»: «“Зачем вы дни?” сказал поэт...». Обращение к стихотворению из «Сумерек» показательно: Г. Хетсо считал его «вершиной героического пессимизма Баратынского» [Хетсо: 483]. Стихотворение Вяземского посвящено бессоннице и так же преисполнено философского пессимизма:

Весь мутный ил, которым дни
Заволокли родник душевный,
Из благ — обломки их одни,
Разбитые волною гневной, —

Всплывает всё со дна души
В тоске бессонницы печальной,
Когда в таинственной тиши,
Как будто отзыв погребальный,

Несется с башни бой часов;
И мне в тревогу и смущенье
Шум собственных моих шагов
И сердца каждое биенье,

Ум весь в огне; без сна горят
Неосвежаемые очи,
Злость и тоска меня томят...
И вопию: «Зачем вы, ночи?»
[Вяземский 1986: 377–378].

Таким образом, в конце 1850-х – в начале 1860-х Вяземский два раза вдохновлялся творчеством Баратынского: он либо брался за ту же лирическую тему (как в случае с «Желанием»), либо варьировал и продолжал ее (как в «“Зачем вы дни?”» сказал поэт...»). Конечно, здесь Баратынский не фигурирует как личность, здесь нет собственно образа Баратынского, однако сам факт обращения Вяземского к творчеству поэта показателен.

Еще через год, в 1864 г., Вяземский снова вспоминает Баратынского в стихотворении «Поминки». Оно, как и «Литературная исповедь», наполнено ностальгией по прошлому, по друзьям, по прошедшей эпохе, литературе. Сравнительно с более ранним, ностальгия приобретает более меланхолический характер, о чем свидетельствует и название стихотворения:

Ваши дружеские тени
Часто вьются надо мной,
Ваших звучных песнопений
Слышен мне напев родной;

Наши споры и беседы,
Словно шли они вчера,
И веселые обеды
Вплоть до самого утра — <...>

Сходит всё благим наитьем
В поздний сумрак на меня,
И событьем за событьем
Льется памяти струя.

В их живой поток невольно
Окунусь я глубоко —
Сладко мне, свежо и больно,
Сердцу тяжело и легко.
[Вяземский 1986: 391–392].

Примечательно, что в 1853 г. Вяземский написал стихотворение с таким же названием: «Поминки». Это был фактически цикл стихотворений, состоящий из шести частей, где каждая часть посвящалась отдельному герою: Языкову, Гоголю, Жуковскому, Дельвигу, Алексею Перовскому и Пушкину. Баратынский не был упомянут там, но появился в «Поминках» 1864 г. в одном ряду с Дельвигом и Пушкиным:

Дельвиг, Пушкин, Баратынской,
Русской музыки близнецы,
[Вяземский 1986: 391].

Следует подчеркнуть, что этот ряд (Дельвиг, Пушкин, Баратынский) будет несколько раз повторяться и в мемуарных очерках Вяземского. Так, например, в очерке «Памяти П. А. Плетнева» он описывал литератора в 20-е гг. как «приятеля Жуковского и друга Пушкина, Дельвига, Баратынского» [Вяземский 1878: VII, 129]. Мы видим, что Вяземский продолжал обращаться к прошлому и последовательно выстраивать свой писательский пантеон, в котором отведено место и Баратынскому.

Таким образом, несмотря на то, что Баратынский упоминается в поздних стихотворениях не так часто как, например, Пушкин и Жуковский, можно увидеть, что Вяземский даже в поздние годы вспоминал о Баратынском не только как о талантливом поэте, литературном соратнике, но и как о друге, помещал его в один ряд с Дельвигом, Пушкиным, Батюшковым, Жуковским, которые представлялись ему в это время самыми близкими из друзей прошлого. При этом Вяземский помнил и ценил творчество Баратынского. В 1869 г. когда вышло собрание сочинений, подготовленное сыном поэта, Л. Е. Баратынским, Вяземский так описывал это событие:

Карамзин говорил, что в молодости любил он иногда из многолюдного и блестящего собрания, с бала, из театра прямо ехать за город, в лес, в уединенное место. После смутных и тревожных ощущений светских находил он в окрестной тишине, в величавой обстановке природы, в свежести и умиротворительное впечатлений особенную и глубоко объемлющую душу прелесть. Подобного рода наслаждение испытал я, исключительно предавшись на днях чтению Баратынского, которого

Полное собрание сочинений появилось на днях в печати. Я тоже, так сказать, бежал из наплыва волн текущей словесности, и я готов был сказать с Дмитриевым:

Примите, древние дубравы,
Под тень свою питомца муз!
[Вяземский 1984: 270].

Как видно, Вяземский выстраивает здесь идиллическо-романтическую картину: уединение за городом, на природе. Здесь можно вспомнить позднее стихотворение Баратынского «На посев леса», написанное в 1844 г. Как отмечали исследователи [Песков: 46; Хетсо: 480], несмотря на скорбный тон стихотворения, в нем просматривалась надежда на выход из бездны меланхолии и пессимизма «Сумерек»:

Ответа нет! Отвергнул струны я,
Да хрящь другой мне будет плодоносен!
И вот ему несет рука моя
Зародыши елей, дубов и сосен.

И пусть! Простясь с лирою моей,
Я верую: ее заменят эти
Поэзии таинственных скорбей
Могучие и сумрачные дети!
[Баратынский 1936: 245–246].

Для Вяземского выход из меланхолии заключался в бегстве в прошлое, его идиллия находилась там: «Приятно в картинной галерее памяти своей наткнуться на близко знакомые лица, остановиться перед ними, заглядеться на них, и при этом задуматься грустно, но и сладостно» [Вяземский 1878: VIII, 291].

Заключение

Подводя итог, можно сказать, что П. А. Вяземский до конца жизни сохранил о Баратынском приятное воспоминание, хотя между ними не было той близости и открытости, которая была, например, между Вяземским и Пушкиным или Баратынским и Дельвигом. Вяземский неоднократно подчеркивал положительные личные качества Баратынского (и при его жизни, и уже после смерти), прежде всего, ум, проницательность, наблюдательность, хорошие манеры. Он видел в нем также и талантливого поэта и обращался к его поэзии в своем позднем творчестве. Однако, что наиболее важно, он считал Баратынского неотъемлемой частью пушкинской эпохи, относил его творчество к «золотому» веку русской литературы. При этом образ Е. А. Баратынского в позднем творчестве Вяземского, конечно, значительно отличается от того, как поэта видели современники. Если прижизненная литературная репутация Баратынского не была однозначной, и современники спорили о роли и месте писателя в русской литературе, то у Вяземского оценки более определенные: Баратынский представлен как один из бесспорно первых писателей эпохи, а также как глубоко мыслящий, талантливый поэт, который достоин причисления к классикам.

Стоит отметить также, что для более полного понимания оценок Вяземским Баратынского требуется рассмотрение поздних металитературных текстов Вяземского (как поэтических, так и мемуарных) и сравнение образа Баратынского с образами других культурных деятелей эпохи. Это позволит также полнее оценить роль Вяземского-мемуариста в создании мифа о «золотом веке» русской литературы. Его участие в собирании и публикации материалов по истории пушкинской эпохе в сильной степени питалось полемическим задором: Вяземский пытался сохранить «дух» писательского сообщества, которое давно ушло в прошлое, в противовес «деловой» современности. Поэтому рисуемые Вяземским картины прошлого и характеристики его деятелей были полемически заострены. Более глубокий анализ поздних стихотворений Вяземского, посвященных «золотому веку», в проекции на современные литературные и культурные события, представляется нам перспективным направлением в дальнейшей разработке темы.

Список использованной литературы

1. АБТ: Архив братьев Тургеневых. Пг., 1921. Вып. 6.
2. Баратынский 1936: *Баратынский Е. А.* Полное собрание стихотворений: В 2 т. Л., 1936.
3. Баратынский 1987: *Баратынский Е. А.* Стихотворения. Письма. Воспоминания современников / Изд. подгот. С. Г. Бочаров и Л. В. Дерюгина. М., 1987.
4. Белинский: *Белинский В. Г.* Полное собрание сочинений: В 13 т. М., 1953–1959.
5. Бестужев 1821: *Бестужев А. А.* Поездка в Ревель. СПб., 1821.
6. Бестужев 1956: *Бестужев А. А.* Письма Александра Бестужева к П. А. Вяземскому (1823–1825) // Литературное наследство. М., 1956. Т. 60. Кн. 1. С. 191–230.
7. Бестужев 1960: *Бестужев А. А.* Взгляд на старую и новую словесность в России // Полярная звезда, изд. А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.; Л., 1960. С. 11–29.
8. Вяземский 1878: *Вяземский П. А.* Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского: В 12 т. СПб., 1878–1896.
9. Вяземский 1984: *Вяземский П. А.* Эстетика и литературная критика. М., 1984.
10. Вяземский 1986: *Вяземский П. А.* Стихотворения. М., 1986.
11. Греч: *Греч Н. И.* Ответ // Сын отечества. 1822. Ч. 76. С. 249–261.
12. Дневники Муханова: Дневники и письма Александра Алексеевича Муханова // Щукинский сборник: В 10 вып. М., 1904. Вып. 3. С. 174–207.
13. Дневники Погодина: Пушкин по документам Погодинского архива: Дневники М. П. Погодина / Публ. М. А. Цявловского // Пушкин и его современники: Мат. и исслед. Пг., 1916. Вып. 23–24. С. 101–122.
14. ЗК: *Вяземский П. А.* Записные книжки / Сост., вст. ст., коммент. Д. П. Ивинского. М., 1992.
15. Катенин: *Катенин П. А.* Письмо к издателю // Сын отечества. 1822. Ч. 76. С. 261–267.
16. Одоевский: *Одоевский В. Ф.* О взгляде на старую и новую словесность в России // Вестник Европы. 1823. № 2. С. 139–147.
17. ОА: Остафьевский архив: В 5 т. / Изд. подгот. В. И. Саитов. СПб., 1899–1913.
18. Письма: [*Греч Н. И.*]. Письма на Кавказ // Сын отечества. 1825. Ч. 99. С. 192–214.
19. Письма к Вяземскому: Письма А. С. Пушкина, барона А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю Вяземскому 1824–1843 годов. С примечаниями Н. П. Барсукова // Старина и новизна: Исторический сборник: В 22 кн. СПб., 1902. Кн. 5. С. 2–64.
20. Плетнев: *Плетнев П. А.* Письмо к графине С. И. С. о русских поэтах // Северные цветы на 1825 год. СПб., 1824. С. 3–80.

21. Путьята: Письма Е. А. Баратынского к Н. В. Путьяте / Публ. Н. В. Путьяты // Русский архив. 1867. № 2. С. 263–299.
22. Пушкин: *Пушкин А. С.* Полное собрание сочинений 1837–1937: В 16 т. М.; Л., 1937–1959.
23. Современник: *Плетнев П. А.* Сумерки. Сочинение Евгения Баратынского // Современник. Т. 27. 1842. № 3. С. 96–101.
24. Три письма: Три письма о смерти А. С. Пушкина // Старина и новизна: Исторический сборник: В 22 кн. СПб., 1900. Кн. 3. С. 339–346.
25. Айхенвальд: *Айхенвальд Ю. И.* Баратынский // Силуэты русских писателей. Вып. 1. М., 1907. С. 90–105.
26. Бодрова 2018: *Бодрова А. С.* Несвоевременный сборник: «Стихотворения» 1835 года в литературной карьере Баратынского // Летняя школа по русской литературе. 2018. Т. 14. № 1. С. 51–64.
27. Бодрова 2020: *Бодрова А. С.* Как поэт Евгений Баратынский стал поэтом Евгением Баратынским. <https://gorky.media/context/kak-poet-evgenij-baratynskij-stal-poetom-evgeniem-baratynskim/> (8.05.2023).
28. Брюсов: *Брюсов В. Я.* Мироззрения Баратынского // Брюсов В. Я. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 6: Статьи и рецензии. 1893–1924; «Далекие и близкие». М., 1975. С. 34–35.
29. Вдовин: *Вдовин А.* Как попасть в хрестоматию. <https://arzamas.academy/materials/133> (26.05.2023).
30. Гельфонд: *Гельфонд М. М.* Поэтика жанров поздней лирики Баратынского // Замечательное шестидесятилетие: Ко дню рождения Андрея Немзера. Б. м., 2017. Т. 1. С. 87–103.
31. Гиллельсон: *Гиллельсон М. И.* П. А. Вяземский: Жизнь и творчество. Л., 1969.
32. Гинзбург: *Гинзбург Л. Я.* О лирике. М.; Л., 1974.
33. Гин, Мельгунов: *Гин М. М., Мельгунов Б. В.* Комментарии // Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: В 15 т. Л., 1990. Т. 11. Кн. 2. С. 299–407.
34. Критика: Пушкин в прижизненной критике, 1820–1827. СПб., 1996.
35. Кумпан: *Кумпан К. А.* Примечания // Вяземский П. А. Стихотворения. М., 1986. С. 433–528.
36. Лебедев: *Лебедев Ю. В.* История русской литературы XIX века: В 3 ч. М., 2007. Ч. 1.

37. Летопись Б.: Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского / Сост. А. М. Песков. М., 1998.
38. Летопись П.: Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина: В 4 т. Т. 1: 1799–1824. М., 1999.
39. Мартыненко: *Мартыненко А. И.* Е. А. Баратынский и «Ученая республика»: к истории формирования литературной репутации поэта // Acta Slavica Estonica XII: Пушкинские чтения в Тарту 6. Вып. 2: Пушкинская эпоха: Pushkin's Era. Тарту, 2020. С. 38–51.
40. Масанов: *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей: В 4 т. М., 1956–1960. Т. 1.
41. Песков: *Песков А. М.* Взгляд на жизнь и сочинения Боратынского // Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М., 1998. С. 9–47.
42. Рудакова: *Рудакова С. В.* Характер изменения жанровых форм в поздней лирике Е. А. Боратынского // Дергачевские чтения – 2008. Русская литература: национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций: материалы IX Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 2009. Т. 1. С. 118–127.
43. Семенко: *Семенко И. М.* Поэты пушкинской поры. М., 1970.
44. Степанищева: *Степанищева Т. Н.* Построение «пушкинской эпохи» по Вяземскому // Пушкинские чтения в Тарту 5: Пушкинская эпоха и русский литературный канон: К 85-летию Л. И. Вольперт: В 2 ч. / Humaniora: Litterae Russicae. Тарту, 2011. Ч.1. С. 206–223
45. Хетсо: *Хетсо Г.* Евгений Баратынский: Жизнь и творчество. Осло, 1973.
46. Янушкевич: *Янушкевич А. С.* История русской литературы первой трети XIX века: Учебное пособие. М., 2013.

Kokkuvõte

Vaatamata sellele, et Jevgeni Baratõnski ja Pjotr Vjazemski on päris tuntud 19. sajandi kultuuritegelased, Puškini kaasaegsed ning sõbrad, nende kirjanduslikud suhted ei ole seni põhjalikult uuritud. Ja kui Baratõnskil on viimase kolmekümne aasta jooksul uurimistööga vedanud (suuresti tänu Aleksei Peskovile, kes luuletaja vastu uurimishuvi taastamiseks palju ära tegi), siis Pjotr Vjazemskiga on olukord keerulisem. Nii näiteks pole siiani olemas kirjaniku akadeemilist teoste kogu.

Samal ajal elas Vjazemski pika ja loominguliselt rikka elu: ta jättis ajastust palju mälestusi ega ei lõpetanud luuletamist kuni surmani. Vjazemski hiline looming pakub laialdasi väljavaateid uurimistööks, sealhulgas ka Baratõnskiga suhete uurimiseks.

Käesoleva töö esimeses peatükis kirjeldatakse kahe kirjaniku eluloolisi suhteid, mis on taastatud peamiselt nende kirjavahetuse najal. Teises peatükis analüüsitakse Baratõnski kirjanduslikku reputatsiooni, pöörates erilist tähelepanu tema reputatsioonile eluajal. Kolmandas peatükis analüüsitakse Vjazemski hilisemaid luuletusi, milles esineb Baratõnski.

Töö kokkuvõttes sõnastatakse järeldus, et Jevgeni Baratõnski kuvand Pjotr Vjazemski hilises loomingus erineb oluliselt sellest, kuidas luuletajat nägid tema kaasaegsed. Kui Baratõnski kirjanduslik reputatsioon eluajal polnud ühemõtteline ja kaasaegsed vaidlesid kirjaniku rolli ja koha vene kirjanduses, siis Vjazemskil esineb Baratõnski kui vaieldamatult üks esimesest vene kirjanikest oma ajastul, aga ka sügavalt mõtlevat, andekat luuletajat, kes väärrib kuulumist kirjandusklassikute hulka.

Autorsuse kinnitus

Kinnitan, et olen koostanud käesoleva bakalaureusetöö ise ning toonud korrekselt välja teiste autorite panuse. Töö on koostatud lähtudes Tartu Ülikooli maailma keelte ja kultuuride kolledži slavistika osakonna bakalaureusetöö nõuetest ning on kooskõlas heade akadeemiliste tavadega.

(alkirjutatud digitaalselt)

Denis Božedarov

Tartus, 27.05.2023

Lihtlitsents lõputöö reprodutseerimiseks ja üldsusele kättesaadavaks tegemiseks

Mina, Denis Božedarov,

1. annan Tartu Ülikoolile tasuta loa (lihtlitsentsi) minu loodud teose «Е. А. Баратынский в поздней лирике и историко-литературных сочинениях П. А. Вяземского» / „Jevgeni Baratõnski Pjotr Vjazemski hilistes lüürikas ning kirjandusajaloolistes teostes“

mille juhendaja on Tatjana Stepaništševa

reprodutseerimiseks eesmärgiga seda säilitada, sealhulgas lisada digitaalarhiivi DSpace kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.

2. Annan Tartu Ülikoolile loa teha punktis 1 nimetatud teos üldsusele kättesaadavaks Tartu Ülikooli veebikeskkonna, sealhulgas digitaalarhiivi DSpace kaudu Creative Commons'i litsentsiga CC BY NC ND 3.0, mis lubab autorile viidates teost reprodutseerida, levitada ja üldsusele suunata ning keelab luua tuletatud teost ja kasutada teost ärieesmärgil, kuni autoriõiguse kehtivuse lõppemiseni.
3. Olen teadlik, et punktides 1 ja 2 nimetatud õigused jäävad alles ka autorile.
4. Kinnitan, et lihtlitsentsi andmisega ei riku ma teiste isikute intellektuaalomandi ega isikuandmete kaitse õigusaktidest tulenevaid õigusi.

Denis Božedarov

27.05.2023